

А. В. Камитова, Переводная литература христианского просвещения в удмуртском языке XIX — начала XX в.: история развития, жанровое своеобразие и переводческие стратегии, Ижевск 2017. 218 с.

Ранний период истории удмуртской словесности был и остается предметом исследования для ученых. Большую часть книг и рукописей на удмуртском языке XIX — начала XX в. в основном религиозного содержания составляют переводы с русского языка. И это понятно, ибо абсолютное большинство молодых национальных литератур при своем возникновении и на первоначальном этапе развития активно пользовались переводами с других языков. Так, финно-угровед П. Домокош высоко оценивает переводную литературу на удмуртском языке: «Переводы уже несут в себе самостоятельную функцию, в известной мере, литературу подготавливают, уточняют и обогащают язык, устанавливают рамки литературных жанров и дают вдохновение, стимул и пример. Поэтому и непонятно, что историки литературы не признают этот ранний период истории своей литературы. Этот период исключается из области исследования, хотя ему мы обязаны созданием письменности и ее технической подготовки, и он в процессе культурного развития является предпосылкой для более высокой ступени» (Домокош 1993 : 173).

Книга А. В. Камитовой — результат ее целенаправленного изучения ранних религиозных текстов на удмуртском языке. Многие переводы текстов христианского просвещения до сих пор не вошли в научный оборот, что искажает и обедняет историю развития удмуртской литературы и особенно литературного языка. Большое внимание в рецензируемой работе уделено переложением на удмуртский язык «Молитве Господней», Евангелиям и житиям, а также инновационной системе просвещения и образования нерусских народов с использованием родного языка — просветительским проектам, которые в

свое время возглавляли Н. И. Ильминский и В. А. Ислентьев.

Монография состоит из предисловия, трех глав, заключения, приложений и библиографического списка.

В предисловии (с. 4—18) автор знакомит читателя с основным корпусом переводной литературы на удмуртском языке XIX — начала XX в., ранее в полной мере не исследованной с точки зрения ее роли в развитии литературы и удмуртского литературного языка. А. В. Камитова считает, что письменные памятники удмуртской словесности указанного периода представляют собой бесценное культурное наследие удмуртского народа, которое сыграло роль фундамента в становлении языка национальной литературы.

Первая глава «Письменность и памятники литературы на удмуртском языке конца XVIII — начала XIX в.» (с. 19—59) посвящена традиционным представлениям удмуртов о книге и письменности (с. 20—40), а также анализу первых литературных опытов на удмуртском языке (с. 41—59).

Автор приводит и анализирует легенды об утраченной удмуртской книге, записанные в трудах исследователей XIX в. Н. Г. Первухина и Б. Г. Гаврилова. В одной легенде говорится, что книга была съедена большой белой коровой, посланной Инмаром (Богом), в другой — что сожжена самими удмуртами. А. В. Камитова отмечает близкие по форме представления об утраченной письменности, письме, книге и грамоте у многих народов, например, чувашей, марийцев, якутов. Некоторые авторы считают, что «образ утраченной книги остался в памяти народа как символ утраченной веры и некоего тайного знания о закономерностях космического порядка» (Ванюшев, Владыкина 2012 : 393). А. В. Камитова вкратце остано-

ливается на интереснейшем явлении — бытовании тамговых знаков (*пусов*), которые широко использовались у многих народов, в том числе финно-угорских. Их использование было важным по значению и полифункциональным по назначению в семейно-бытовой и общественной жизни. Однако она отмечает, что до сих пор нет комплексного исследования тамги удмуртов. Вопросы происхождения, классификации и функции этих знаков актуальны и сегодня. А. В. Камитова акцентирует внимание на том, что в опубликованных и рукописных памятниках удмуртской письменности XVIII в. встречаются слова, обозначающие процессы чтения, письма и обучения, письменные принадлежности, продукты и результаты писательской, просветительской и фискальной деятельности: *гоштэмь* 'описание', *гоштэтть* 'надпись, начертывание', *лыдзискò* 'счисляю, причисляю, причитаю, читаю, исчисляю', *вужкат* 'старый закон', *куболò* 'расписка, запись' и др. Автор резюмирует, что в традиционных представлениях удмуртов и других народов Поволжья феномен письма, представления о книге и письменности имеют единую типологию сюжета.

Во втором параграфе (с. 41—59) анализируются первые образцы сочинений духовно-светского содержания на удмуртском языке — стихотворное посвящение Екатерине II 1767 г., стихотворение по случаю открытия Казанского наместничества 1781 г. и речь по случаю коронации Александра I 1801 г. Если до недавнего времени считалось, что первые два поэтических произведения созданы на основе русского оригинала, согласно современным исследованиям (что очень важно), единого исходного русского оригинала не было. О речи по случаю коронации Александра I А. В. Камитова пишет, что это скорее всего перевод с русского оригинала (с. 58). Она отмечает, что сочинения на удмуртском языке пестрят орфографическими, пунктуационными и другими ошибками, а синтаксис почти полностью

русский. Однако сам факт публикации способствовал совершенствованию «письменно-литературных норм удмуртского языка, развитию художественно-выразительных возможностей, обновлению словарного состава, стилевому обогащению» (с. 59).

Во второй главе «Церковно-бogosлужбная литература на удмуртском языке XIX — начала XX в.» (с. 60—121) рассматриваются переводы на удмуртский язык «Молитвы Господней», Евангелий и житий — памятников агиографической словесности.

Автор сообщает о существовании нескольких вариантов перевода «Молитвы Господней». Самые первые выполнены в Оренбургской и Вятской губерниях в 1803 г., в 1806 г. удмуртская молитва была записана на основе латинской графики немецким лингвистом Ф. Аделунгом, а чуть позже — в 1806—1817 гг. переведена студентом Казанской академии Егором Сатрапинским. В переводах прослеживаются различия лексического (диалектного), грамматического, пунктуационного и иного характера, наблюдается смешение языческих и христианских представлений. А. В. Камитова верно замечает, что молитва на удмуртском языке приспособлена к местным диалектам, благодаря чему достигалось понимание текста читателем на доступном ему языке, именно такая форма переложения текста положила начало усовершенствованию переводческого мастерства и сыграла положительную роль в развитии удмуртской письменности.

В параграфе «Евангелия на удмуртском языке начала XIX в.: переводческие стратегии и решения» (с. 79—97) автор приводит краткую историю создания переводов Евангелий от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Отмечается, что переложения выполнены в рамках требований эпохи, главным из которых было буквальное соответствие каноническому оригиналу. Нередко, замечает автор, отрывки оригинала переводились в свободном стиле: при сравнительном изучении текстов можно заметить большой объем

удмуртского текста по сравнению с русским. Как пишет А. В. Камитова, относительно вольное обращение авторов с базовым текстом могло быть обусловлено как лингвистической природой удмуртского языка, так и индивидуальным решением переводчика или переводчиков. Далее исследователь останавливается на различных приемах переводческой техники: 1) использование такого орфографического знака, как заглавная буква, для обеспечения гармоничного восприятия смысла текста; 2) расширение семантического значения некоторых слов для выработки рационального объяснения новых явлений; 3) использование языковой вариативности как средства стилистического обогащения языка; 4) употребление иноязычных слов и замена их на синонимичные или близкие по значению слова; 5) использование построчных заметок и сносок и др.

Третий параграф «Памятники агиографической письменности» (с. 97—121) посвящен анализу одного из основных эпических жанров церковной словесности, в котором излагаются жизнеописания святых — житий. Автор приводит удмуртские названия 38 произведений данного жанра, описывает общие особенности их перевода: приспособление языка просвещаемого народа для передачи идейно-образного содержания агиографических текстов. Как отмечает А. В. Камитова, удмуртские слова обрели не присущие им новые значения, связанные с областью христианских, философских, этико-эстетических представлений. При этом формировался фонд лексики, отвечающий духовным и художественным задачам повествования. При переводе житий синонимичные (чаще всего диалектные) варианты слов помещены в скобках или внизу страницы, в комментариях даны развернутые объяснения некоторым словам.

В третьей главе «Просветительские проекты в школьном образовании» (с. 122—160) рассмотрены принципы педагогической и просветительской концепции двух просветителей

удмуртского народа Н. И. Ильминского и В. А. Ислентьева, благодаря которым сложилась система просвещения и образования нерусских народов с использованием родного языка. Эти проекты, значительное место в которых занимал принцип переводческой деятельности, по мнению А. В. Камитовой, актуальны и в наши дни.

В первом параграфе рассказывается, что в 1867 г. было открыто Братство Святого Гурия, просветительско-миссионерская деятельность которого усилилась с основанием при нем Переводческой комиссии. Под руководством профессора Казанского государственного императорского университета и Казанской Духовной академии Н. И. Ильминского в ней сформировался корпус словесников-переводчиков, представлявших коренные народы не только Среднего Поволжья, но и разных «восточных регионов» России. В обязанности комиссии входили перевод и публикация религиозных и вероучительных книг, а также словарей, грамматик, подлинных образцов народной словесности на языки народов восточной части Европейской России (татарский, чувашский, марийский, удмуртский, мордовский) и языки сибирских народов — алтайский, бурятский, тунгусский, якутский, остяцкий и др. Отмечена очень важная информация: разработка Н. И. Ильминским национальных алфавитов на основе кириллицы с добавлением букв, отображающих несуществующие в русском языке звуки, дала возможность более точной фиксации языковых данных, передачи их своеобразных фонетических особенностей. А. В. Камитова для наглядности приводит анализ трех первых изданий, выпущенных Братством Св. Гурия: «Начальное учение православной христианской веры» (1874), «Бадзым пражникйос» («Главные церковные праздники Господни и Богородичны») (1874) и «Букварь для крещеных вотяков» («Гожтет тодытэ») (1875). Отмечено, что для записи удмуртских текстов использованы рус-

ская графика и орфография с привлечением специфичных букв. Это нововведение напрямую связано с образовательными реформами Н. И. Ильминского. К примеру, в изданиях применяются следующие буквы: *н, т, л, ж, ö, ä, ѳ, j, i*, отсутствовавшие в русском языке.

Второй параграф (с. 139–160) посвящен анализу деятельности просветителя В. А. Ислентьева по разработке образовательных программ, составлению учебно-методических изданий для удмуртов. Автор монографии кратко описывает и анализирует букварь, учебник и руководство к преподаванию грамоты, она отмечает, что В. А. Ислентьев впервые обратил серьезное внимание на удмуртские синонимы — «подобозначащая слова», адаптировал для детей извлечения из научно-популярных, фольклорных, церковных и художественных произведений с параллельным переложением на удмуртский язык, которые носили просветительский, воспитательно-познавательный характер и пробуждали в детях поэтическое чутье и религиозное чувство. А. В. Камитова отмечает, что учебно-методические пособия В. А. Ислентьева — это своеобразный синтез духовного и светского, а солидный корпус переводных текстов разного содержания и жанров в них восполнял отсутствие тогда произведений оригина-

льной художественной литературы на удмуртском языке.

«Заключение» (с. 161–162) содержит выводы в целом по книге и придает необходимую цельность исследованию.

Прекрасно дополняют работу приложения (с. 163–195) — копии страниц из некоторых письменных памятников удмуртского языка XVIII — начала XX в. Особую ценность представляют тексты удмуртских, чувашских, якутских и марийских легенд о книге и письменности, имеющие единую типологию сюжета.

Завершая рецензию, необходимо отметить, что монография А. В. Камитовой представляет огромный интерес для специалистов по пермским и другим финно-угорским (и не только) языкам. Книга полезна как теоретикам финно-угорского языкознания и литературоведения и практикам — преподавателям удмуртоведческих дисциплин в вузах и школах, так и всем, кому не безразлична история духовной культуры удмуртского народа.

Address

L. M. Ivshin
The Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Department
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРА

- В а н ю ш е в В. М., В л а д ы к и н а Т. Г. 2012, Истоки развития удмуртской литературы. — История литературы Урала. Конец XIV—XVIII в., Москва, 390—402.
- Д о м о к о ш П. 1993, История удмуртской литературы, Ижевск.

Л. М. ИВШИН (Ижевск)